

ВАСИЛИЙ ВЕРБИН

НЕКРОПОЛИ МОСКВЫ

Ангелы Введенского, пепел Донского и могилы исчезнувшего города

МИФ

МИФ Культура

Василий Вербин

Некрополи Москвы. Ангелы Введенского, пепел Донского и могилы исчезнувшего города

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2027

УДК 718(470-25)(091)
ББК 63.3(2-2Мск)

Вербин В. М.

Некрополи Москвы. Ангелы Введенского, пепел Донского и могилы исчезнувшего города / В. М. Вербин — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2027 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-281230-1

Московские кладбища – это не просто места памяти, а скрытая система города. Монастырские стены, старообрядческие кресты, иностранные надгробия, аллеи славы, кремлевские захоронения и исчезнувшие погосты образуют особую географию столицы – торжественную, мрачную и полную неожиданных историй. Где в Москве искали последний приют староверы и иностранцы? Что рассказывают о городе утраченные кладбища? Как первый московский крематорий изменил представление о смерти? Об этом и многом другом могут поведать московские некрополи и эта книга.

УДК 718(470-25)(091)
ББК 63.3(2-2Мск)

ISBN 978-5-00-281230-1

© Вербин В. М., 2027
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2027

Содержание

Введение 7
Глава 1. Кладбище для парадов и торжеств. Некрополь номер один у Кремлевской стены 13
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Василий Вербин
Некрополи Москвы. Ангелы Введенского, пепел Донского и могилы исчезнувшего города

Научный редактор Сергей Шокарев

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Вербин В. М., 2027
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

* * *

Введение

Перед лицом смерти никто не боец, а лишь только странник[1].

Смерть всегда была для человека таинственной чертой, откуда нет возврата. Она не только пугала, но и манила своей тайной. Это были двери, к которым живой мог подойти, но не мог далее сопровождать усопшего. Тем не менее с самой глубокой древности люди знали, что мертвого нельзя просто оставить со смертью один на один; его нужно снарядить и проводить в последний, неведомый живым путь. В разные времена, у разных народов традиции прощания с усопшими сильно различались. Умерших укрывали в пещерах, защищали камнями, укладывали в особые позы и зарывали в землю, кремировали[2].

В мире, где люди борются за свое существование, такие церемонии всегда требовали колоссальных усилий и затрат. Однако человек шел на это. Кто-то мог обеспечить для усопшего лишь место в братской могиле, скромный крест или урну в ячейке громадного колумбария, а кто-то строил для своего мертвеца усыпальницу в скале, часовню, пирамиду или мавзолей, напоминающий дворец.

Все это вместе создавало уникальную для любого времени и любой культуры традицию, своеобразный слепок эпохи, в котором с поразительной силой отражались мировоззрение, ценности и устремления. Исторические некрополи сохранили дух времени ничуть не хуже проспектов и площадей, дворцов и трущоб, а быть может, даже и лучше, ведь дома мертвых не нужно так часто перестраивать и модернизировать, как обиталища живых. Скорее их необходимо просто оберегать, но и это часто является весьма трудной задачей.

Среди более чем ста тридцати действующих кладбищ Москвы исторических не так уж и много. Большинство из них находится в средней части современного города, рядом с бывшим Камер-Коллежским валом, линия которого фактически служила границей Москвы в XVIII – начале XX века[3]. В наше время эта линия частично совпадает с Третьим транспортным кольцом. Многие из некрополей далеко не маленькие по территории, но всё же они расположены достаточно укромно. В Москве трудно, просто гуляя, случайно забрести на кладбище, и в современной круговерти люди пробегают мимо, не подозревая об их существовании.

И мои пути до поры до времени проходили мимо московских некрополей, хотя по долгу службы гидом я бывал в самых разных местах столицы. Но однажды, чтобы скоротать время растянутой программы, мы с группой туристов почти случайно заглянули на Новодевичье кладбище – и оказались не на унылом погосте, а среди памятников и монументов, которые буквально составляли музей скульптуры под открытым небом. Более того, странным образом мне, не очень-то подготовленному, не пришлось даже почти ничего говорить – скульптуры и памятники сами, вместо меня, будто рассказывали всю историю XX века. В итоге на кладбище мы провели куда больше времени, чем на Красной площади и Арбате, ВДНХ и в других традиционных местах притяжения туристов. С тех пор я постоянно возвращался на Новодевичье и с нашими соотечественниками, и с иностранцами – и каждый раз находил это по-новому интересным и для себя, и для своих слушателей.

---

[1] Из эпитафии Николая Христофора Радзивилла Сиротки перед входом в семейную усыпальницу в костеле Тела Господня в городе Несвиж.

[2] См.: Петрухин В. Погребальные обряды и культ предков. От завета Одина и некромантии до упырей и похорон Ярилы. М.: МИФ, 2025.

[3] Камер-Коллежский вал // Москва: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. URL: https://mos80.ru/k/kabalevskiy_kashirskoe/kamer_kollejskiy_val.html.

Введенское кладбище. Фотография С. Демидова, 2022.
Sergey A. Demidov (CC BY 4.0) / Wikimedia Commons

В скором времени я попал на загадочное и романтическое Введенское кладбище, находящееся будто бы не в мегаполисе, а в иной реальности. Как же оно отличалось от строгого и официального Новодевичьего! Вместо расчерченных по линейке тропинок здесь рос волшебный лес, среди листвы, точно античные развалины, белели вычурные мавзолеи; скорбные ангелы смотрели с высоких надгробий, на которых разными языками были начертаны имена давно ушедших людей. Покинуть кладбище оказалось трудно: в этот лес с крестами и склепами хотелось углубиться и начать его исследовать.

Так у меня появилась тяга к изучению некрополей, и я начал регулярно их посещать. Со стороны это могло казаться странной манией, тем более что против кладбищ и прогулок по ним до сих пор существует определенное предубеждение. Однако сразу хочу заверить: никаких призраков, ужасов, вурдалаков и мистических явлений во время исследования некрополей я не обнаружил. Напротив, кладбище не только оказывается прекрасным местом для спокойной прогулки и элегических мыслей о бренности всего сущего, но еще и обладает удивительным свойством переносить посетителя в свою историческую эпоху.

Введенское, например, – это мир русских европейцев. Там дуют западные ветры и везде слышится многоголосый европейский говор. Солидные купцы в париках и камзолах рассказывают истории о том, как они оказались в России, как осели здесь, завели свое дело и достигли богатства, а кто-то и разорения. Совершенно иное впечатление создает патриархальное Старое Донское кладбище. Оно представляет собой прекрасный сад из надгробий людей той эпохи, когда, как замечательно выразился старинный исследователь московских кладбищ Алексей Саладин, «любили красиво жить и даже умирать старались покрасивее»[4]. Это прибежище старинной российской аристократии, и памятники на здешних могилах отражают богатство и славу золотого века русского дворянства.

Скульптура надгробия на Введенском кладбище. Фотография, 2023.
Riotous.Red (CC BY-SA 4.0) / Wikimedia Commons

Удивительно и даже странно, что по соседству с триумфальным и почти радостным некрополем находится один из самых мрачных погостов Москвы, суровое Новое Донское кладбище. Вместе они образуют величественный диптих, скрывающий тайны русской истории. Когда после светлого и возвышенного монастыря, буквально пройдя за стену, попадаешь на

[4] Саладин А. Т. Очерки истории московских кладбищ. М.: Книжный сад, 1997. С. 167.

сумрачные аллеи Нового Донского, тянущиеся между колумбариями[5] и расстрельными ямами, то своими глазами видишь пропасть, которая разделяет старую и новую Россию. Как будто одна культура ушла, а на ее месте возникла совсем другая, основанная на иных ценностях. В однотипных надгробиях и рядах колумбариев явственно слышатся отзвуки дискуссий и споров столетней давности о материализме, марксизме, атеизме… Что там дальше, за гробом? Если там темнота, то где же, в каких теориях найти смысл бытия?

Сердце Нового Донского – здание бывшего крематория, в котором сохранились невиданные ни до, ни после колумбарии в виде шкафов. В них за стеклами в фарфоровых вазах пылятся столетней давности урны с прахом, укрытые искусственными цветами. Кажется, будто некая невидимая рука убрала живые души даже не под сукно, но под ключ на полку своего музейного шкафа. Стоишь перед этими сосудами за стеклом и думаешь: а что могли бы сказать нежные дамы и утонченные поэты золотого века, спящие сейчас вечным сном под мраморными античными урнами по соседству на Старом Донском, если увидели бы эти уже настоящие, мрачные урны с прахом творцов и деятелей русской революции?

Подобные, и быть может странные, мысли часто приходят в голову при исследовании исторических кладбищ. Нередко некрополи открывают свою эпоху особым образом, показывая картину будто с иного угла, с новой точки зрения.

[5] *Колумбарий* – специальное сооружение для захоронения урн с прахом, полученным путем кремации. *Здесь и далее прим. авт.*

Скульптура на Введенском кладбище. Фотография С. Шокарева

Такие впечатления о московских кладбищах мне показалось интересным сложить в эту небольшую книгу. Сразу же должен оговориться, что меня более интересовал общий дух кладбища, а не доскональное исследование с описанием большинства значимых могил – иногда за слишком детальными характеристиками начинает ускользать то главное, что следует сказать о предмете. Необходимо, безусловно, отдать должное тем неутомимым исследователям, которые подробно описывали исторические некрополи Москвы. Без их самоотверженной работы мы знали бы сегодня несравнимо меньше[6]. Со своей стороны я буду рад, если мой скромный

[6] Среди подобных трудов я бы выделил «Очерки истории московских кладбищ» уже упомянутого мной дореволюционного

труд поможет читателю заглянуть в удивительный мир московских некрополей и вдохновит на неспешную прогулку меж тихих скорбных плит исторических кладбищ столицы.

исследователя Алексея Саладина, книгу «История московских кладбищ. Под кровом вечной тишины» Юрия Рябинина, а также подробные описания Новодевичьего, Ваганьковского и Троекуровского кладбищ, сделанные Василием Лапа и Давидом Фиксом.

Глава 1. Кладбище для парадов и торжеств. Некрополь номер один у Кремлевской стены

Когда попадаешь в самый центр Москвы, на Красную площадь, совсем не скажешь, что очутился на кладбище. Напротив: величественные сооружения, овеянный стариной Кремль, праздничная атмосфера ГУМа, толпы москвичей и гостей столицы – какое уж тут кладбищенское уединение! И тем не менее это именно кладбище – не на окраине города, не при монастыре или храме, а прямо на главной площади государства. Это единственный в мире некрополь, ставший центром столичного пространства, местом парадов и демонстраций.

Некрополь этот одновременно и скрыт, и выставлен напоказ. Если зайти на Красную площадь со стороны Исторического музея, откроется вид, знакомый каждому с детства: слева – торговые ряды ГУМа, впереди – собор Василия Блаженного, справа – зубчатая стена Кремля, а под ней – ступенчатая пирамида мавзолея. Однако сам он на первый взгляд совсем не кажется усыпальницей – скорее уж некий храм или музейный павильон. Захоронения в Кремлевской стене закрыты голубыми елями и остаются почти незаметными для туристов. Именно здесь, с разных сторон от Сенатской башни, и появились в 1917 году две братские могилы, давшие начало главному кладбищу советской эпохи.

Идея поместить тела павших революционеров в центре города впервые возникла сразу же после Февральской революции в Петрограде. Именно там, на Марсовом поле, и состоялись первые «красные похороны» жертв революции. Это было не единственное подобное революционное захоронение в те годы – аналогичные появились в центре Кронштадта, Самары, Саратова, Ярославля, Новосибирска, Твери, а также еще почему-то в главном монастыре Петрограда – Александро-Невской лавре[7].

Такое же кладбище возникло и в Москве сразу после событий Октябрьской революции. Павших красногвардейцев решено было предать земле прямо на Красной площади, у Кремлевской стены. За образец взяли похороны на Марсовом поле: из разных районов города по расписанию шли колонны, использовались обитые красной тканью гробы, над братскими могилами не совершалось никаких публичных панихид, оркестр исполнял «Интернационал» и революционные гимны. Тысячи участников траурных демонстраций под красными знаменами проходили через площадь и опускали гробы в могилы. Очевидец этих похорон американский журналист Джон Рид в своей известной книге «Десять дней, которые потрясли мир» особенно подчеркивает отказ от религиозных обрядов: «Заперта была и часовня Иверской Божьей Матери, которую некогда посещал перед коронованием в Кремле каждый новый царь и которая обычно была открыта и наполнена толпой круглые сутки, сияя огнями, отражавшими на золоте, серебре и драгоценных камнях ее икон отблески свечей, зажженных набожной рукой. А теперь, как уверяли, впервые со времени наполеоновского нашествия свечи погасли… Через Иверские ворота уже потекла людская река, и народ тысячами запрудил обширную Красную площадь. Я заметил, что, проходя мимо Иверской, никто не крестился, как это делалось раньше…»[8]

---

[7] Малышева С. Ю. «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М.: Новый хронограф, 2019. С. 112–114.

[8] Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 211.

Демонстрация на Красной площади в Москве 1 мая 1923 года. Фотография из журнала «Красная нива».

Красная нива: литературно-художественный еженедельный журнал. 1923. № 19. Москва

Примечательно также, что хоронить красногвардейцев предпочли именно в братских могилах, хотя имена части павших были известны, а некоторых даже провожали родственники (об этом также сообщает Джон Рид). Земле предавали не отдельных людей, личностей, а как бы народ в общем, ту его часть, что была принесена в жертву на алтарь революции, – именно поэтому, а не только из экономии сил и времени, потребовались не индивидуальные, а братские могилы. Студент, копавший такую могилу, заявил Джону Риду: «Здесь, в этом священном месте, самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь – народ…»[9]

Вообще, стоит отметить, что появление спонтанных «красных погостов» в городах не имеет прямых исторических аналогий. Даже во французской революционной традиции, которая всегда являлась образцом для российских революционеров, подобного мы не находим[10]. Более того, удивительно, что эти захоронения были демонстративно сделаны в самых центрах городов, что стало очевидным разрывом со старыми обычаями, и разрывом радикальным. Причем родилась такая идея в хаосе тех дней, когда события сменяли друг друга словно в калейдоскопе и какой-то единой направляющей руки не существовало, – можно сказать, что это было подлинное революционное творчество масс. Как будто иное племя явилось в старые города и

[9] Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 211.

[10] Отчасти таковым может считаться только Пантеон, но все-таки бывшая церковь Святой Женевьевы, переделанная в огромную гражданскую усыпальницу, не вполне похожа на революционные некрополи на Красной площади и Марсовом поле хотя бы по той причине, что захоронены в ней могли быть только выдающиеся личности и их могилы всегда были индивидуальными. Могилы коммунаров и иных революционеров находятся на кладбищенских территориях.

устроило в них свои погосты для символического утверждения нового порядка на крови его мучеников.

В последующие годы что только не появлялось на этом месте; наступила пора спонтанных экспериментов, революционная лава бурлила и выплескивалась через край.

Уже через год, на первую годовщину Октябрьской революции, прямо на Сенатской башне над братскими могилами появилось панно «Павшим в борьбе за мир и братство народов»[11]. Автором его был скульптор и участник революционного движения Сергей Конёнков, известный своими работами в разных стилях – от традиционной декоративной лепнины на доходных домах до языческих деревянных идолов и импрессионистических статуй. Здесь он обратился скорее к архаично-декадентской и совсем не пролетарской стилистике. Прямо на цементных блоках в цвете был изображен гений революции, держащий красное знамя и пальмовую ветвь (символ победы в античной традиции), у ног его располагались сломанные сабли и ружья, а сверху над ним вставало солнце свободы, со стилизованной под лучи надписью: «Октябрьская 1917 Революция». Фигура эта издалека могла вполне походить на ангела или святого. Существует даже легенда, согласно которой некая старушка при открытии панно допытывалась у автора: «Какой святой икону ставят?» «Революции», – после некоторого замешательства ответил Конёнков[12].

Как и многие памятники той эпохи, панно было сделано не слишком качественно, и уже в конце 1940-х годов его демонтировали.

В последующие годы здесь проходили бесконечные митинги, парады и торжества. Кремлевскую стену украшали флаги и транспаранты, над площадью парили дирижабли, на самой площади выстроились временные и постоянные статуи. Примерно на месте будущего мавзолея в 1922 году была поставлена статуя «Рабочий» авторства Фридриха Лехта. Гордо поднятая голова, динамичная поза, расстегнутое пальто, приложенный к ногам молот, кепка, выброшенная наверх в приветственном жесте, – все это вместе с панно Конёнкова должно было настраивать митингующих на нужный лад[13].

Кроме того, на площади рядом с могилами располагались разнообразные трибуны. Самая необычная среди них – это курган Победы. Он был создан летом 1920 года, в период выставки трофеев Гражданской войны. На его вершине находилась деревянная трибуна, или беседка, откуда вожди приветствовали демонстрацию. Сейчас, конечно, даже трудно поверить, что Красную площадь мог украшать настоящий курган! Этот архаичный символ свидетельствует о стихийном, почти языческом характере революционной обрядности.

После всех экспериментов с курганами все же нельзя было сказать, что некрополь полностью сложился. У него не было подлинного центра, кроме спорного гения Конёнкова; посреди площади по-прежнему возвышались уже как будто неуместные Минин и Пожарский[14]; продолжались и спонтанные захоронения, как групповые, так и индивидуальные[15]. Для окончатель-

---

[11] Эта доска была установлена в рамках ленинского плана монументальной пропаганды, когда в 1918–1919 годах воздвигались десятки подобных памятников революционного содержания.

[12] Замостьянов А. Монументальная армада // Историк. 2018. № 40. Апрель. URL: https://историк. рф/journal/post/6802.

[13] После сооружения мавзолея в 1924 году места для «Рабочего» не нашлось, и он был перемещен. В дальнейшем следы его теряются: вероятно, памятник был создан из недолговечных материалов и просто рассыпался.

[14] Некоторые рьяные большевики предлагали уничтожить монумент. Так, к этому призывал поэт Демьян Бедный в поэме «Без пощады»:Нет, Минина «жертва» была не напрасной,Купец заслужил на бессмертье патент.И маячит доселе на площади Красной Самый подлый, какой может быть, монумент!За это высказывался и забытый ныне поэт Джек Алтаузен:Я предлагаю Минина расплавить,Пожарского. Зачем им пьедестал?Довольно нам двух лавочников славить,Их за прилавками Октябрь застал.Случайно им мы не свернули шею.Я знаю, это было бы под стать.Подумаешь, они спасли Расею.А может, лучше было б не спасать?

[15] Среди похороненных в братских могилах были жертвы взрыва в Дорогомилово 5 января 1918 года и нападения 9 января 1918 года, погибшие при аварии под Серпуховом в 1921 году, когда экспериментальный вагон инженера Валериана Абаковского, оснащенный двигателем и пропеллером и развивавший скорость до 140 километров в час, сошел с рельсов. В аварии погиб сам Абаковский и несколько пассажиров, включая известного большевика товарища Артема (Федора Сергеева).

ного оформления и некрополя, и площади требовалось еще что-то – новое, революционное и торжественное. И вот наконец появилось оно – главное захоронение, увенчавшее некрополь, придавшее ему окончательную форму. Это был мавзолей – не просто усыпальница, а подлинный атеистический храм и символ Советского государства.

После смерти Владимира Ленина в январе 1924 года его тело привезли из Горок на Павелецкий вокзал, откуда старые большевики на руках понесли гроб в Дом союзов для прощания. Выстроились нескончаемые очереди – собрались тысячи и тысячи желающих проститься с Ильичом. Люди стояли на улице день и ночь, горели костры. Поразительно: еще семь лет назад Ленин был известен лишь в узком кругу революционеров и политиков, а теперь вся страна оплакивала его как отца нации.

Несмотря на протесты многих старых большевиков и вдовы Ленина Надежды Крупской, было принято решение о бальзамировании. Вот что об этом писал Лев Троцкий: «Отношение к Ленину как к революционному вождю было подменено отношением к нему как к главе церковной иерархии. На Красной площади воздвигнут был, при моих протестах, недостойный и оскорбительный для революционного сознания мавзолей. В такие же мавзолеи превращались официальные книги о Ленине. Его мысль разрезали на цитаты для фальшивых проповедей. Набальзамированным трупом сражались против живого Ленина»[16].

Конечно, для таких людей, как Троцкий и другие старые большевики-атеисты, это было дико и выглядело как превращение тела Ленина в «революционные мощи». Но все-таки, если герои революции легли в землю на Красной площади, почему их вождь не может быть с ними? Почему он не мог быть и «обожествлен», как многие правители древности? Народ, не искушенный в теориях, нуждался в символе, ясно показывавшем, что Ленин жив, что его дело живо! А его мавзолей должен был стать не только усыпальницей, но и трибуной, с которой новые вожди, наследники старого, призывали бы к дальнейшим свершениям.

В итоге было принято решение возвести вначале временное сооружение, чтобы продлить возможность прощания. За несколько дней архитектор Алексей Щусев создал эту первую деревянную версию – простую пирамидальную конструкцию с двумя боковыми павильонами для входа и выхода[17].

Уже к концу 1924 года первый, совсем скромный, мавзолей заменили вторым, тоже деревянным, но более монументальным. Он имел сложную ступенчатую форму и был окрашен в своеобразный желто-оливковый цвет. А в 1930 году появился окончательный вариант – знакомый всем каменный мавзолей из красного гранита и черного лабрадорита. В отделке фасада и траурного зала применялся порфир из карельских месторождений (там же был добыт камень, использованный для украшения гробницы Наполеона[18]).

[16] Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранат, 1930. Т. 2. С. 257.

[17] Хан-Магомедов С. О. Мавзолей Ленина. История создания и архитектура. М.: Просвещение, 1972. С. 40–44.

[18] Рахманова А. В. Малиновый кварцит в историко-культурном наследии России и зарубежья // Труды КарНЦ РАН. 2021. № 2. С. 66–67. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/malinovyy-kvartsit-v-istoriko-kulturnom-nasledii-rossii-i-zarubezhya.

Очередь людей перед Мавзолеем В. И. Ленина на Красной площади, на заднем плане – собор Василия Блаженного и Кремль. Фотография, 1925.

German Federal Archives / Wikimedia Commons

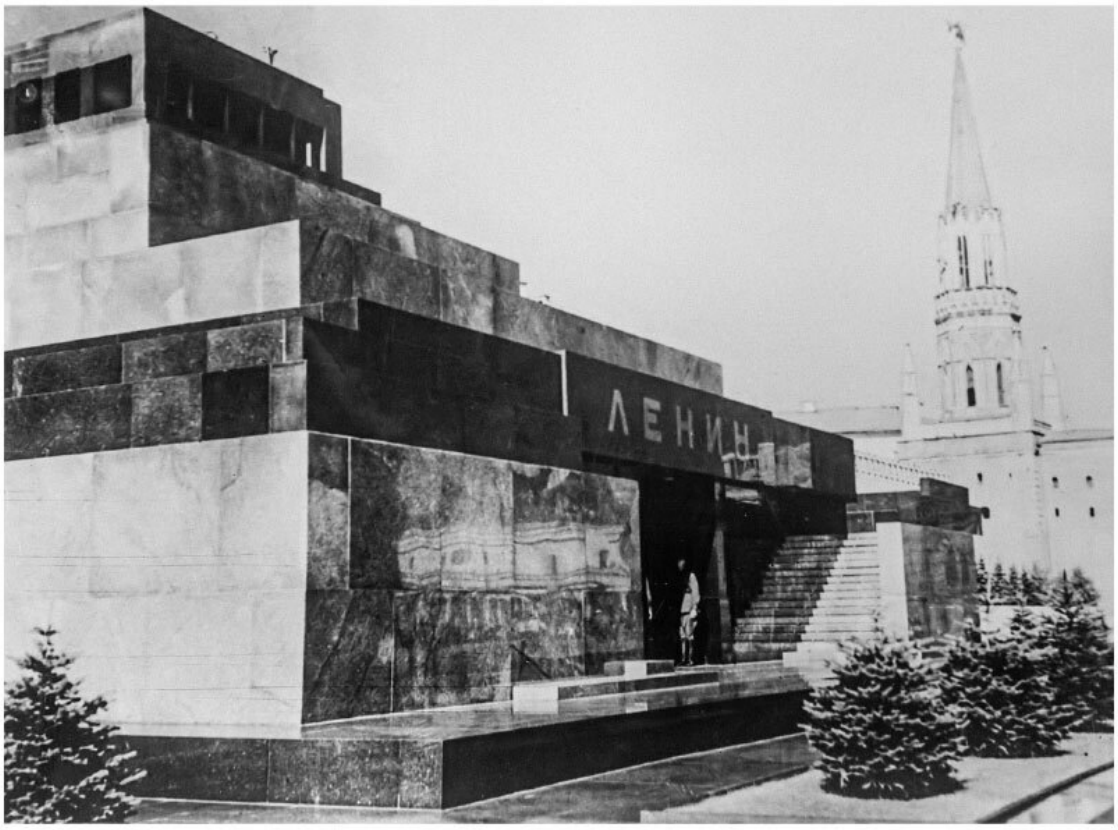
Где Щусев нашел форму ступенчатой пирамиды? Этот вопрос многим не давал покоя, а сам архитектор так и не ответил на него. Все это породило бесконечные споры и целый ворох конспирологических и иногда даже эзотерических версий относительно секретов этого сооружения. Очевидны, конечно, отсылки к древним усыпальницам – египетским пирамидам, мавзолею Кира Великого в Персии, зиккуратам Междуречья. Но возможно и иное: форма мавзолея напоминает ступенчатые завершения кремлевских башен, особенно Боровицкой, и словно соединяет новую революционную святыню со средневековой московской архитектурой. А быть может, архитектор просто отталкивался от простейших конструкций трибун, которые возводились до этого на Красной площади, – тем более что самый первый мавзолей построили буквально за несколько дней и его простейшая форма была просто развита в последующих версиях.

Когда мы подходим к мавзолею, нельзя не увидеть, что Щусев мастерски вписал его в простор площади. Он занял центральное место в ансамбле и в конце концов вытеснил памятник Минину и Пожарскому на край площади, к собору Василия Блаженного. Сама пирамидальная форма этого сооружения как бы подчеркивает его центральное место на площади. Как говорил архитектор Щусев, «мавзолей маленький, но его не поднимешь»[19].

Внешне усыпальница не содержит никаких украшений, над входом – только пять букв: ЛЕНИН. Эта идея была реализована уже при постройке первого мавзолея в 1924 году. Мы входим в усыпальницу и двигаемся по темному коридору налево и вниз. Здесь по-прежнему нет почти никаких украшений, только на стенах повторяются красные знамена по эскизам художника Игнатия Нивинского, будто вокруг шествует бесконечная демонстрация. В центре неболь-

[19] Цит. по: Маслова Ю. Я искал аналогии во всей истории архитектуры… // Московский журнал. 2024. № 8 (404). Август. URL: https://mosjour.ru/article/526-ya-iskal-analogii-vo-vsey-istorii-arhitektury.

шого траурного зала размещен саркофаг авторства архитектора-конструктивиста Константина Мельникова, тело Ленина укрыто революционными знаменами.



Мавзолей В. И. Ленина в Москве. Фотография, 1961.
Dutch National Archives / Wikimedia Commons

Мы выходим из мавзолея, и прямо за ним открывается вид на само кладбище. После хаотичных захоронений первых лет оно было в несколько этапов реконструировано архитектором Исидором Французом[20]. К середине XX века все было окончательно упорядочено, революционная лава застыла в суровом и благопристойном виде.

Сразу же бросается в глаза, что весь некрополь выстроен строго иерархично.

На первом уровне иерархии, конечно, располагается сам мавзолей. Интересно, что с 1953 по 1961 год в нем находилось и тело Иосифа Сталина, однако после XXII съезда партии и критики культа личности он был признан недостойным лежать рядом с Ильичом[21]. Тем не менее, несмотря на отклонения от ленинской линии, Сталина все-таки считали выдающимся руководителем, и в результате он был понижен ровно на одну ступень, как бы переведен из божеств в полубоги, и его тело вынесли и захоронили за мавзолеем.

Второй уровень иерархии – двенадцать могил между мавзолеем и Кремлевской стеной. Здесь без кремации, в гробах похоронены высшие руководители Советского государства. Первые трое – революционеры, умершие до построения каменного мавзолея: Яков Свердлов, формальный глава государства, умерший от испанки в 1919 году; Михаил Фрунзе, сменивший Троцкого на посту наркома по военным делам и загадочно скончавшийся на операционном столе в 1925 году; а также Феликс Дзержинский, создатель ЧК, «рыцарь революции», умерший в 1926 году после бурного выступления на пленуме.

[20] Абрамов А. С. У Кремлевской стены. М.: Политиздат, 1988. С. 22.

[21] Абрамов А. С. У Кремлевской стены. М.: Политиздат, 1988. С. 22.

Следующая группа – сталинские соратники. К ним относятся Михаил Калинин, «всесоюзный староста», долгое время формально являвшийся главой Советского Союза, и Андрей Жданов, умерший в 1948 году. Рядом с ними находится и могила самого Иосифа Сталина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.